

УДК 94(470-924.71)

DOI:10.29039/2413-1741-2024-10-4-124-136

ИСТОРИЯ КРЫМА КАК «ТРУДНОЕ ПРОШЛОЕ»: МЕМОРИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ДИСКУССИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА¹

Романько О. В.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: romanko1976@mail.ru*

Рассматривается концепт «трудное прошлое» применительно к истории Крыма. На примере дискуссий, происходивших в научном и общественно-политическом дискурсах в постсоветский период, анализируются главные мемориальные конфликты и войны памяти, которые происходят, начиная с 1991 г. Показаны основные моменты крымского «трудного прошлого», механизмы возникновения на его основе противоречий и пути их возможного преодоления. На основе проведенного исследования сделан вывод, что все мемориальные конфликты и войны памяти на территории Крыма проистекают из конкуренции трех исторических нарративов, которые условно можно назвать имперско-советский, украинский и крымско-татарский. Причем, главными из них, между которыми идет основная конкуренция, являются имперско-советский и крымско-татарский, при практически полном исчезновении украинского нарратива из публичной сферы. Федеральная власть и крымские республиканские органы пытаются преодолеть эти противоречия, однозначно ведущие от мемориальных конфликтов к более серьезным противоречиям, прежде всего межнациональным. В связи с этим, проанализирован целый комплекс мер исторической политики на данном направлении и итоги его применения, а именно: встраивание крымско-татарского нарратива в имперско-советский, баланс нарративов и т.п. На примере проблемы коллаборационизма в период нацистской оккупации Крыма продемонстрирован новый подход в решении мемориальных конфликтов.

Ключевые слова: Крым, «трудное прошлое», мемориальный конфликт, войны памяти, исторический нарратив, историческая политика, коллаборационизм.

Хорошо известно, что история – это не только наука, но и социальная память общества, которая лежит в основе мировоззрения, воспитания, способствует легитимизации / делегитимизации власти. Также считается, что общая история – это залог добрососедских отношений и хорошая база для общественно-политической интеграции. Однако бывают и противоположные тенденции, когда именно исторические события сводят к нулю все попытки выстроить диалог, провоцируют мемориальные конфликты и приводят к войнам памяти. Как правило, эти явления связаны с концептом так называемого «трудного прошлого», которое есть у любого общества, и особенно, если оно в свое время испытало некую травму в виде серьезных идеологических, социальных или межнациональных конфликтов.

Одним из таких регионов со «сложным прошлым» является Крым, в истории которого было достаточно конфликтов на идеологической и этнонациональной

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00812, <https://rscf.ru/project/23-28-00812/>

почве, историческую память о которых активно использовало и пытается использовать украинское государство в своей политике на крымском направлении. Нет необходимости говорить, что в современных геополитических условиях эти попытки уже имеют не отвлеченное теоретическое значение, а являются вызовом национальной безопасности для Российской Федерации. Наконец, несмотря на важность данной проблематики, можно констатировать практически полное отсутствие научных работ, где бы рассматривались основные моменты крымского «трудного прошлого», механизмы возникновения на его основе войн памяти, мемориальных и общественно-политических конфликтов, а также пути их возможного преодоления в постсоветский период.

В связи со сказанным целью данной статьи является анализ концепта «трудное прошлое» на примере истории Крыма, а также его влияние на общественно-политическую ситуацию после 1991 г. Крымское «трудное прошлое» – комплексный концепт. Поэтому, чтобы проанализировать его всесторонне, необходимо решить ряд исследовательских задач, а именно: (а) какие нарративы и почему являются конкурирующими в публичной сфере Крыма; (б) что представляет собой общая историческая память крымского сообщества, если она есть, а если ее нет, то как и почему это влияет на мемориальные конфликты; (в) вокруг каких фигур и событий строилась и строится историческая политика на территории Крымского полуострова в разные периоды его постсоветской истории; (г) наконец, есть ли в крымском «трудном прошлом» сложнопреодолимые мемориальные конфликты и как их пытаются разрешить в рамках современной исторической политики Российской Федерации.

В основе представлений об истории Крыма как о «трудном прошлом», вне всякого сомнения, лежит конкуренция тех нарративов, через которые эта история репрезентируется. Если проанализировать основные способы распространения исторических знаний (научные исследования, учебники, художественная литература, мемуаристика, СМИ и т.п.), начиная с 1991 г., то можно выделить три основных нарратива, которые конкурировали в Крыму после распада Советского Союза. Первый – имперско-советский, и он доминировал во всем, что касалось событий, связанных с процессом вхождения Крыма в состав Российской империи, его пребыванием в этом государстве, а также, конечно, советский период. Этот нарратив поддерживался большей частью крымских элит и основной массой населения, прежде всего, русскими и русскокультурными гражданами. Интересно отметить, что его сторонники, в целом, имели общую точку зрения, как на события до, так и после 1917 г., за исключением времени Великой русской революции и Гражданской войны. Здесь был явный мемориальный конфликт, который, в принципе, сохраняется до сих пор. Однако всех их объединяло противостояние двум другим взглядам на историю Крымского полуострова: украинскому и крымско-татарскому.

Крым находился в составе независимой Украины 23 года, поэтому все крымчане так или иначе сталкивались с украинской исторической политикой и ее нарративом. Понятно, что украинское государство с той или иной степенью

эффективности настойчиво внедряло свой взгляд на историю вообще и историю Крыма в частности везде: от школьных и вузовских программ – до коммеморативных практик. Книжные магазины и библиотеки заполнялись литературой о «великом прошлом» «древних укров» и прочим псевдонаучным продуктом [6]. С завидным постоянством распространялись «исторические факты» про «исконную принадлежность» Крыма Украине, о том, что в 1954 г. его совершенно законно и, главное, обоснованно передали УССР [19]. Не обошла Крым стороной и мода на изучение так называемого «голодомора». Публиковались псевдонаучные «исследования», в которых совершенно голословно утверждалось, что на полуострове был свой «голодомор», только не в 1930-е, а в 1920-е гг. И так далее, вплоть до утверждений, что в 1917–1918 гг. в Крыму происходила отдельная от русской «украинская революция», а в годы Великой Отечественной войны действовала своя бандеровская Украинская повстанческая армия, что, конечно же, не подтверждается историческими фактами [20].

Однако, сторонников у этого нарратива среди крымских элит (разве что формально) и населения практически не было. Разумеется, после 2014 г., с исчезновением из Крыма украинского государства и его пропагандистского аппарата, этот нарратив полностью деактуализировался, показав свой искусственный и закономерно чуждый большинству населения характер. Тем не менее, пришедшие в 2014 г. к власти на Украине радикально националистические силы не прекращают попыток вернуть свой нарратив в научное, образовательное и информационное пространство Крыма, прилагая немало усилий, чтобы их версия истории не исчезала из повестки и пусть даже фоном, но присутствовала бы в повседневной жизни крымчан.

Если оценивать эти усилия чисто инструменталистски, то можно сделать вывод, что историческое сообщество, представители власти и обычные граждане практически не сталкиваются с проявлениями украинского националистического нарратива в своей повседневной жизни и профессиональной деятельности. Но, безусловно, несколько процентов населения, оставшегося на проукраинских позициях, в Крыму есть. Собственно, на них все эти изыскания и практики украинской исторической политики и направлены. Это – первая целевая группа. Второй целевой группой являются лица, которые по тем или иным причинам идеологического характера не приемлют Российскую Федерацию и ее политику вообще и в Крыму в частности. Понятно, что через телевидение, радио, прессу, книготорговлю эти нарративы распространять невозможно, поэтому остаются только Интернет-ресурсы и социальные сети. Так, основным источником распространения «знаний» о прошлом Крыма до недавнего времени являлся ресурс «Крым.реалии» (подразделение признанной нежелательной в Российской Федерации радиовещательной организации «Радио.Свобода»). Следует сказать, что исторический контент там очень примитивный, а эффект от его воздействия на крымчан – околонулевой.

Тем не менее, понимать, что представляет собой этот нарратив, необходимо. В целом, сейчас – это тот же самый официальный украинский нарратив, имевший

место в период до 2014 г., только более агрессивный и приспособленный, по понятным причинам, к современным реалиям. Теперь его основной концепт – это общее украино-крымское прошлое и постоянный, а не случайный характер присутствия Украины на полуострове. В принципе, все, что сейчас пишут украинские историки и публицисты на эту тему, вращается вокруг поиска доказательств для этого концепта [12]. Нашлось в нем место и этническому крымско-татарскому нарративу, который за этот период также претерпел некоторые изменения.

До 2014 г. третий из основных нарративов, крымско-татарский, представлял собой этнонациональный взгляд на историю Крыма через призму исторической политики ныне запрещенного в России «меджлиса крымско-татарского народа». Используя своих историков и их труды, например, вышедший в 2013 г. четырехтомник ныне покойного профессора Санкт-Петербургского государственного университета В. Е. Возгриня, эта организация внедряла среди своих соплеменников и – с определенного момента через подконтрольные СМИ – среди остальных крымчан концепт о крымских татарах, как коренном народе, который начал формироваться на территории полуострова чуть ли не с доисторических времен. У этого центрального концепта были свои производные: о самобытной цивилизации Крымского ханства, о российской аннексии 1783 г., погубившей эту цивилизацию, о национальном характере Крымской АССР, о геноциде крымско-татарского народа после трагических событий 1944 г. В разное время этот нарратив, когда меньше, когда больше поддерживался официальной украинской властью, которая пыталась искусственно смонтировать его со своим нарративом, делая акцент на каких-то общих моментах украинско-татарского прошлого (времена Богдана Хмельницкого, события 1917–1920 гг., уже упоминавшиеся выше «голодоморы»). Понятно, что крымско-татарский нарратив был полной противоположностью имперско-советскому, и основные войны памяти шли между ними [3]. После вхождения Крыма в состав Российской Федерации он немного видоизменился, приняв более адаптированные формы, о чем подробнее будет сказано ниже. Хотя, в своем радикальном характере этот нарратив также никуда не делся и продолжает существовать в рамках украинской исторической политики [14].

Безусловно, наличие такого количества нарративов, которые, в каких-то моментах, даже носят конфронтационный характер, исключают наличие общей исторической памяти у крымского сообщества. К слову, для полиэтнического региона, каковым является Крымский полуостров, это нормально и должно стимулировать власти к поиску общих точек соприкосновения в целях недопущения эволюции мемориальных конфликтов в социальные или межнациональные. Это с одной стороны. С другой стороны, у всех народов, которые населяют Крым, есть своя историческая память, которая связана с теми или иными событиями в их жизни. Поэтому, делать акцент только на русских, украинцах или крымских татарах не совсем корректно. Например, у тех же армян, караимов или греков историческая память даже более глубокая, чем у местных украинцев. Однако, следует указать на

ряд существенных причин, приводящих к тому, что мемориальные конфликты возникают именно в связи с исторической памятью трех вышеуказанных этносов. Во-первых, большинство населения на полуострове – это русские, поэтому их историческая память является доминирующей. Выше уже говорилось, что это, прежде всего, память об имперско-советском прошлом. Во-вторых, историческая память большинства нерусских народов Крыма не противопоставлена памяти русского населения, а очень удачно с ней монтируется, так как расцвет этих этносов связан именно с периодом после 1783 г. В-третьих, в Крыму всегда было мало так называемых «свідомих» украинцев, которые бы являлись носителями специфической исторической памяти. Большинство же из тех, кто проживал или проживает в Крыму, не отделяют себя в основной своей массе от русского населения и следуют в фарватере доминирующего в Крыму имперско-советского нарратива. В-четвертых, если не затрагивать нюансы, то конкурирующей исторической памятью по отношению к исторической памяти большинства населения является крымско-татарская. Обычно, все мемориальные конфликты происходят на почве этого противостояния. Так было и в украинское время, остается, к сожалению, и в российское. Правда, острота этих конфликтов заметно спала после 2014 г., но никуда не делась. Здесь можно назвать несколько наиболее серьезных случаев унаследованных, так как сказать, Российской Федерацией. Это: восстановление памятника Императрице Екатерине II, создание мемориалов жертвам фашисткой оккупации на территории совхоза «Красный» и жертвам репрессий по национальному признаку на станции Сюрень [13]. Наконец, в-пятых, следует отметить, что в едином имперско-советском нарративе существует линия раскола по отношению к событиям 1917–1920 гг. на территории Крыма. Очень часто это выражается в мемориальных конфликтах, которые происходят не на этнонациональной, а на идеолого-политической почве. Из последних таких конфликтов можно назвать историю вокруг памятника Примирению, который установили в Севастополе по случаю 100-летия окончания Гражданской войны на Юге России [18]. Или реставрацию бюста Ф. Э. Дзержинского на одной из улиц Симферополя, которая имела место в 1921 г. Как не трудно догадаться, против первого памятника активно выступали различные «левые» организации, а против второго – те, кто считает «Железного Феликса» «кровавым палачом» [21].

В 1991–2014 гг. украинские власти строили свою историческую политику на территории Крыма вокруг фигур и событий, которые для подавляющей части населения полуострова носили искусственный или спорный характер. Более того, даже в относительно спокойные с точки зрения украинизации времена обращали на себя внимания попытки навязать для мемориализации и коммеморативных практик фигуры и события с явно антироссийским бэкграундом. Например, таких, как деятели украинских или крымско-татарских националистических движений первой половины XX века. Выше уже было сказано, что большинством элит и населения такие практики не воспринимались. На уровне местных общественных организаций и даже республиканской власти продолжалось чествование фигур и связанных с

ними событий из имперско-советского прошлого. Понятно, что после 2014 г. эти практики сохранились и вышли на федеральный уровень [8].

Можно констатировать, что историческая память большинства крымчан вряд ли заходит дальше конца XIX в. Максимум – до времен Екатерины II. Отсюда – тот набор сюжетов и фигур, вокруг которых Российская Федерация и ее представители в Крыму выстраивают свою историческую политику. В целом, это все то, что показывает прочные связи полуострова с исторической Россией, доказывает закономерность его российского статуса. Значительное внимание уделяется проявлениям героизма крымчан разных национальностей в войнах имперского периода и СССР. Поэтому основные сюжеты – это социально-экономическое и культурное развитие Крыма с 1783 по 1991 г, русско-турецкие войны, Крымская война, Великая Отечественная война, а теперь и события Крымской весны. Соответственно, происходит мемориализация и ключевых фигур из этих периодов. То есть, можно констатировать, что советско-имперский нарратив из важного, но, все-таки, неформального превратился в официальный. Фиксацией этого статуса, например, в научном плане стал выход в 2017 г. академического двухтомника по истории Крыма с древнейших времен до наших дней [10].

Интересно отметить, что крымская власть (в широком смысле) пытается соблюдать баланс в исторической политике и коммеморативных практиках. Это хорошо видно на примере конфликта между условно «красными» и «белыми». С одной стороны был поставлен памятник Примирению, с другой – на территории Крыма остаются все памятники Владимиру Ленину, другим советским вождям. Крымские власти даже не решаются вернуть исторические названия симферопольским улицам, которые носят имена Бела Куна, Вацлава Воровского, Андрея Желябова и других более или менее спорных для многих персонажей (ведущей от железнодорожного вокзала к правительственному кварталу улице Карла Маркса только в 2022 г. вернули историческое название – Екатерининская). Хотя, социальный запрос на такой возврат явно есть. Такая же политика проводится и относительно совершенно искусственных с точки зрения исторической памяти украинских мемориальных объектов на полуострове. В Симферополе и других городах Крыма стоят памятники Тарасу Шевченко, его именем названы улицы и учреждения. Крымская общественность уже много лет добивается переименования Республиканской научной библиотеки, носящей имя западно-украинского писателя Ивана Франко – человека, даже близко не подъезжавшего к Крыму. Однако это дело так и не сдвинулось с мертвой точки. С большой долей вероятности можно сказать, что крымские власти опять не хотят обижать «братский украинский народ», демонстрируя самые худшие практики «ленинской национальной политики» [1].

К подобной политике соблюдения мемориального баланса следует отнести и попытки встроить часть крымско-татарского нарратива в официальный. Например, в 2020 г. в Симферополе был открыт памятник дважды Герою Советского Союза Амет-Хан Султану, а в 2021-м готовится открытие упоминавшегося выше Мемориала на станции Сюрень [9]. Также после 2014 г. крымско-татарский нарратив был немного подкорректирован в сторону меньшей конфликтности с

имперско-советским. Теперь из публикаций и выступлений некоторых представителей крымско-татарской элиты можно услышать, что их народ всегда был за Россию. А в качестве примеров приводятся Отечественная война 1812 г., межнациональная гармония в Крымской АССР, период Великой Отечественной войны. Правда, с последним примером часто проявляются старые дискуссии, связанные, главным образом, с проблемой коллаборационизма.

Тема коллаборационизма во всех крымских нарративах была актуальна, является актуальной и останется актуальной в обозримом будущем. У нее значительный конфликтогенный потенциал, и, фактически, это главный триггер большинства войн памяти на Крымском полуострове. Причем, так происходило и происходит на протяжении всей истории постсоветского Крыма, и при украинской власти, и при российской. Во всяком случае, сейчас каких-то коренных изменений в реакциях на тему коллаборационизма не наблюдается.

В целом, можно назвать три причины такого интереса. Первая причина – чисто познавательная. О коллаборационизме советских граждан вообще и крымчан в частности до 1991 г. писали и говорили крайне мало. Поэтому нет ничего удивительного, что после «архивной революции» начала 1990-х, появления зарубежных монографий, эмигрантской литературы эта тема обрела популярность, как у всех, интересующихся историей, так и у научного сообщества. И, надо сказать, что эта популярность не ослабевает, а остается устойчивой и даже нарастает в некоторых случаях. Почему же так происходит?

Тут следует назвать вторую причину. Обвинения в коллаборационизме являются очень действенным аргументом в политических баталиях. В период до 2014 г., например, крайне низкая популярность некоторых украинских партий в Крыму объяснялась тем, что в глазах избирателей они прочно ассоциировались с украинскими националистами времен Второй мировой войны. При этом, и коммунисты, и пророссийские силы активно подогревали такие настроения, мемориальным выражением которых стало открытие в Симферополе, в 2007 г. памятника «Выстрел в спину». Этот памятник должен был напоминать крымчанам о тех, кто погиб от рук украинских националистов [2]. В российский период акценты, по понятным причинам, сместились. Теперь местные «левые» обвиняют в пронацистском коллаборационизме «белых», а заодно и всех тех, кто пытается увековечить память, например, Русского исхода 1920 г. Тут можно опять сослаться на конфликт вокруг поставленного в Севастополе памятника Примирению. Уже на уровне обсуждения его концепции в «левых» СМИ и на Интернет-ресурсах появились псевдонаучные утверждения, что это памятник коллаборационистам. В данном случае, логика тут была такая: часть белой эмиграции поддерживала нацистов, значит, ни о каком памятнике, где упоминаются ее представители, не может быть и речи [15].

Наконец, третья причина интереса к теме коллаборационизма является самой актуальной для Крыма и связана она с межнациональными отношениями на полуострове. Не секрет, что в годы немецкой оккупации здесь имело место значительное количество коллаборационистских проявлений. И часть из них

вылилась в создание коллаборационистских организаций и воинских формирований по этнонациональному признаку. Более того, обвинения в таком коллаборационизме послужили формальным поводом для массовых выселений с территории Крыма в 1944 г. крымских татар, армян, болгар и греков. В конце 1980-х гг. начался процесс возвращения этих народов на родину. В связи с этим, тема коллаборационизма получила дополнительный стимул для роста интереса к ней, а также значительный конфликтотенный потенциал. Из всего сказанного выше, можно понять, что основные войны памяти ведутся вокруг проблемы именно крымско-татарского коллаборационизма.

Доминантой крымско-татарского нарратива в этой части является полное отрицание любых достижений исторической науки, где идет речь о сколько-нибудь серьезном участии крымских татар в военных усилиях гитлеровской Германии. Априори отвергаются любые аргументы и факты, а исторические источники объявляются фальсифицированными или созданными в целях пропаганды. Разумеется, эти негационисты всю свою доказательную базу строят исключительно на эмоциях, аргументах «от здравого смысла» и т.п. Такая позиция появилась еще в советское время и оформилась в украинское. В российское время особых изменений в ней нет, речь может идти только о частностях.

Обращает на себя внимания методология, с помощью которой крымско-татарский нарратив в этой своей части продвигался и продвигается в научную, образовательную и информационную повестку. Как правило, это целый комплекс практик: от прямых исторических фальсификаций – до общественно-политического давления на крымские власти. В украинский период истории Крыма координацией всех войн памяти на этом «фронте» занимался запрещенный в России «меджлис», который с разной степенью эффективности использовал дискуссии вокруг коллаборационизма для этнической мобилизации своих соплеменников. Например, чтобы нивелировать роль 152-го батальона Вспомогательной полиции порядка в деле уничтожения узников концлагеря в совхозе «Красный» (Симферопольский район), околomedжлисовскими историками была затеяна целая фальсификаторская вакханалия вокруг этих трагических событий. Начиная с 2010-х гг., делались информационные вбросы и писались псевдонаучные статьи, в которых говорилось, что до немецкого лагеря на территории «Красного» находился «лагерь НКВД», где был «расстрельный полигон» и т.п. Что в годы войны лагерь охраняли не крымско-татарский персонал из этого батальона, а русские «казаки» и «власовцы». Показательно, что фальсификаторы даже не утруждали себя ссылками на какие-нибудь исторические источники, поэтому не удивительно, что все подобные инсинуации были разоблачены, а версии о «лагере НКВД» остались достоянием маргиналов [16].

После вхождения Крыма в состав Российской Федерации и признания «меджлиса» экстремистской организацией у части крымского исторического сообщества появилась надежда, что такие вещи прекратятся. Время показало, что это были беспочвенные иллюзии. Примером тому – случай с изданием в 2021 г. книги по истории концлагеря в совхозе «Красный». Если не вдаваться в излишние

подробности, то суть там такова: ряд крымско-татарских активистов непублично потребовали переписать главы, где упоминается национальная принадлежность персонала 152-го батальона и т.п. В данном случае эти требования оставили без ответа, и книга вышла в исходном варианте. Хотя, так бывает не всегда [11].

Выше говорилось о позиции крымских властей, направленных на установление баланса нарративов. Возможно, в многонациональном регионе такая политика и имеет смысл. Однако иногда она приводит к весьма странным (и, добавим, – публичным) случаям, который произошел в 2019 г. со школьным учебником «История Крыма», подготовленным известными на полуострове и за его пределами историками и политологами. Встав, фактически, на позицию крымско-татарских националистов, республиканское Министерство образования распорядилось вырезать из этого учебника страницы, посвященные проблеме коллаборационизма, и в таком, изуродованном виде раздать по школам [7].

Наконец, уже после 2014 г. была предпринята попытка в принудительном порядке, административным путем закрыть все неудобные для сторонников крымско-татарского нарратива дискуссии о коллаборационизме. В 2015 г. вице-спикер (на тот момент) Государственного совета Крыма Ремзи Ильясов прямо заявил о необходимости изъятия из открытого доступа литературы, содержащей «необъективную оценку участия крымских татар в Великой Отечественной войне». Тогда подобная инициатива вызвала целый шквал возмущений и не нашла поддержки ни у крымских властей, ни у профессиональных историков [5].

Проблема коллаборационизма наряду, например, с сюжетами о партизанском движении делают историю Великой Отечественной войны на территории Крыма самым трудным периодом всего крымского «трудного прошлого». Не учитывать этот конфликтногенный потенциал нельзя, поскольку память о войне с нацизмом является, по сути, несущей конструкцией всего общероссийского единства. И федеральные органы, и республиканские власти, как можно понять из сказанного выше, предпринимают много шагов, чтобы сгладить последствия от этих войн памяти. Одним из таких шагов можно назвать Федеральный проект «Без срока давности», направленный на увековечение памяти о жертвах нацистов в период оккупации части территории тогдашней РСФСР. Одной из его составляющих стали судебные процессы о признании нацистской оккупации геноцидом советского народа. В июне – июле 2022 г. такой процесс имел место в Республике Крым, по итогам которого местный Верховный суд постановил считать события 1941–1944 гг. геноцидом многонационального советского народа. Таким образом, через память о жертвах войны разных национальностей произошло частичное примирение конкурирующих нарративов, оставив за скобками вопрос о пособниках оккупантов, среди которых тоже были представители разных этнонациональных групп [4].

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что взгляды на крымскую историю в постсоветский период действительно можно охарактеризовать, как «трудное прошлое», зримыми проявлениями которого являлись и являются мемориальные конфликты и войны памяти. Свои представления о прошлом и его трудности крымское сообщество аккумулирует в исторических нарративах. И тут

следует констатировать, что нет единого крымского нарратива – у каждого из народов, населяющих полуостров, он свой. Тем не менее, основными, между которыми, начиная с 1991 г., шла и идет постоянная конкуренция, являются имперско-советский, украинский и крымско-татарский нарративы. Ход исторических событий показал полную искусственность и внешнюю навязанность для крымчан украинского нарратива. Поэтому, на данный момент остались только два: имперско-советский, отражающий взгляды на свое прошлое большинства крымчан, и крымско-татарский – узкий этнонациональный нарратив.

В силу целого ряда причин исторического, политического и социального характера доминирующим взглядом на прошлое является имперско-советский нарратив, который направлен на формирование у крымского сообщества устойчивых представлений о Российской империи / СССР как, в целом, государствах, принесших в Крым прогресс и процветание. Также нельзя не отметить героическую составляющую этого нарратива и концепт сакральности полуострова для российской государственности. В целом, и сторонник монархии, и советский патриот смотрели и смотрят на крымское прошлое одинаково, за исключением событий Русской революции и Гражданской войны 1917–1920 гг. Однако эти разногласия исчезали, когда заходила речь о защите своего нарратива от конкурентов.

Украинский и крымско-татарский нарративы транслировали и транслируют взгляд на крымское прошлое полностью противоположный предыдущему. С точки зрения его носителей, приход на полуостров Российской империи / СССР, наоборот, был связан с тотальным упадком, притеснениями и геноцидами. Разумеется, именно на этой почве возникали все мемориальные конфликты и велись войны памяти. И, если, украинский нарратив явно проигрывал имперско-советскому по всем показателям, то крымско-татарский мог даже конкурировать, особенно, когда становился инструментом в политической или геополитической борьбе или как ресурс для этнической мобилизации.

Следует обратить внимание еще на вот какой факт. За исключением упоминавшегося периода Русской революции и гражданской войны сторонники имперско-советского нарратива не считают свое прошлое «трудным». Таковым его, наоборот, видят сторонники крымско-татарского нарратива. Эта виктимизация (не без внешней поддержки) привела к тому, что после возвращения Крыма в состав Российской Федерации могло показаться, что эти нарративы несовместимы вообще, а их сторонники обречены на перманентный мемориальный конфликт со всеми вытекающими из него последствиями, например, в межнациональной сфере. И надо сказать, что по инерции так и продолжалось: некоторые шаги новой власти обескураживали и вызвали недоумение у профессиональных историков и обычных крымчан. Тем не менее, со временем был предпринят ряд шагов, которые позволили, если не примирить, то очень сильно сблизить нарративы. Среди основных можно назвать интеграцию части крымско-татарского нарратива в имперско-советский и попытки республиканских крымских властей соблюдать баланс нарративов, вылившийся в баланс мемориализаций и коммеморативных

практик. Также следует отметить позитивные изменения, которые произошли в российской исторической политике за последние пять лет. С одной стороны они сделали ее более грамотной и системной, а с другой – позволили посмотреть на некоторые события «трудного прошлого» под иным взглядом. В крымском «трудном прошлом» таким событием являлся и является коллаборационизм части советских граждан с нацистским военно-политическим руководством. В рамках конкуренции нарративов мемориальный конфликт на его почве был неразрешим в принципе. Однако, благодаря Федеральному проекту «Без срока давности» акцент был смещен на многонациональный характер жертв немецких оккупантов, а не их пособников. В целом, конечно, такой шаг смягчил мемориальный конфликт, но, и это следует признать, он никуда не делся. И вопрос пока остается открытым.

Список использованных источников и литературы

1. Библиотеку имени Франко в Симферополе переименуют // Крымская правда: сайт. 2022. 07 декабря. – URL: <https://c-pravda.ru/news/2022-12-07/biblioteku-imeni-franko-v-simferopole-pereimenuyut> (дата обращения: 07.11.2024).
Biblioteku imeni Franko v Simferopole pereimenuyut // Krymskaya pravda: sajt. 2022. 07 dekabrya. – URL: <https://c-pravda.ru/news/2022-12-07/biblioteku-imeni-franko-v-simferopole-pereimenuyut> (data obrashcheniya: 07.11.2024).
2. В Крыму открыт монумент жертвам бандеровцев // Lenta.ru: сайт. 2007. 4 сентября. – URL: <https://lenta.ru/news/2007/09/14/monument/> (дата обращения: 07.11.2024).
V Krymu otkryt monument zhertvam banderovcev // Lenta.ru: sajt. 2007. 4 sentyabrya. – URL: <https://lenta.ru/news/2007/09/14/monument/> (data obrashcheniya: 07.11.2024).
3. Возгрин В. Е. История Крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма в четырех томах. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2013. – Т. 1–4.
Vozgrin V. E. Istoriya Krymskih tatar: ocherki etnicheskoy istorii korennoogo naroda Kryma v chetyrekh tomah. – Simferopol': Krymuchpedgiz, 2013. – T. 1–4.
4. Волкодав, Михаил. Верховный суд Крыма признал геноцид 219 тысяч человек во время Великой Отечественной войны // Коммерсантъ. 2022. 07 июля. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5448606> (дата обращения: 07.11.2024).
Volkodav, Mihail. Verhovnyj sud Kryma priznal genocid 219 tysyach chelovek vo vremya Velikoj Otechestvennoj vojny // Kommersant'. 2022. 07 iyulya. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5448606> (data obrashcheniya: 07.11.2024).
5. Гаврилёва, Наталья. «Забрать все книги бы да сжечь!» // Крымское эхо: сайт // 2015. 03 апреля. – URL: <https://c-echo.info/zabrat-vse-knigi-by-da-szhech/> (дата обращения: 07.11.2024).
Gavrilyova, Natal'ya. «Zabrat' vse knigi by da szhech!» // Krymskoe ekho: sajt // 2015. 03 aprelya. – URL: <https://c-echo.info/zabrat-vse-knigi-by-da-szhech/> (data obrashcheniya: 07.11.2024).
6. Галичанец, Микола. Наш Український Крим. – Тернопіль: Мандрівець, 2007. – 396 с.
Galychanec', Mykola. Nash Ukrayins'kij Krim. – Ternopil': Mandrivec', 2007. – 396 s.
7. Дацюк, Надежда. Минобраз Крыма о скандальном учебнике истории полуострова: пока что им в школах пользоваться не будут // Комсомольская правда: сайт. 2019. 18 февраля. – URL: <https://www.crimea.kp.ru/daily/26943.5/3994600/> (дата обращения: 07.11.2024).
Dacyuk, Nadezhda. Minobraz Kryma o skandal'nom uchebnike istorii poluostrova: пока что им в shkolah pol'zovat'sya ne budut // Komsomol'skaya pravda: sajt. 2019. 18 fevralya. – URL: <https://www.crimea.kp.ru/daily/26943.5/3994600/> (data obrashcheniya: 07.11.2024).
8. Жмуцкий, Дмитрий. Парламент Крыма просит КС Украины отобрать звание героя у Шухевича // РАПСИ. Российское агентство правовой и судебной информации. 2010. 16 июня. – URL: https://rapsinews.ru/international_news/20100616/250260250.html (дата обращения: 07.11.2024).

- Zhmuckij, Dmitrij. Parlament Kryma prosit KS Ukrainy otobrat' zvanie geroya u Shuhevicha // RAPSİ. Rossijskoe agenstvo pravovoj i sudebnoj informacii. 2010. 16 iyunya. – URL: https://rapsinews.ru/international_news/20100616/250260250.html (data obrashcheniya: 07.11.2024).
9. Изотов, Илья. В Симферополе открыли памятник летчику-асу Амет-Хану Султану // Российская газета: сайт. 2020. 25 октября. – URL: <https://rg.ru/2020/10/25/reg-ufo/v-simferopole-otkryli-pamiatnik-letchiku-asu-amet-hanu-sultanu.html> (дата обращения: 07.11.2024).
- Izotov, Il'ya. V Simferopole otkryli pamyatnik letchiku-asu Amet-Hanu Sultanu // Rossijskaya gazeta: sayt. 2020. 25 oktyabrya. – URL: <https://rg.ru/2020/10/25/reg-ufo/v-simferopole-otkryli-pamiatnik-letchiku-asu-amet-hanu-sultanu.html> (data obrashcheniya: 07.11.2024).
10. История Крыма: В 2 т. / Под ред. А. В. Юрасова и др. – М.: Кучково поле, 2017. – Т. 1–2.
- Istoriya Kryma: V 2 t. / Pod red. A. V. Yurasova i dr. – M.: Kuchkovo pole, 2017. – T. 1–2.
11. Константинов В. А., Кизилев М. Б., Бобков В. В. «Красный». История нацистского концлагеря смерти. – Симферополь: АРИАЛ, 2021. – 412 с.
- Konstantinov V. A., Kizilov M. B., Bobkov V. V. «Krasnyj». Istoriya nacistskogo konclagerya smerti. – Simferopol': ARIAL, 2021. – 412 s.
12. Крим від античності до сьогодні: Історичні студії / Відп. ред. В. Смолій. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2014. – 708 с.
- Krym vid antychnosti do s'ogodennya: Istorychni studiyi / Vidp. red. V. Smolij. – Kyiv: Instytut istoriyi Ukrainy NAN Ukrainy, 2014. – 708 s.
13. Мемориал памяти жертв депортации крымских татар будет стоить 400 млн. рублей // Интерфакс.ру: сайт. 2016. 18 мая. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/508890> (дата обращения: 07.11.2024).
- Memorial pamyati zhertv deportacii krymskih tatar budet stoit' 400 mln. rublej // Interfaks.ru: sayt. 2016. 18 maya. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/508890> (data obrashcheniya: 07.11.2024).
14. Наш Крым: неросійські історії українського півострова: зб. ст. / упоряд. та вступ С. В. Громенко. – Київ: К.І.С., 2016. – 315 с.
- Nash Krym: nerosijs'ki istoriyi ukrayins'kogo pivostrova: zb. st. / uporyad. ta vstup S. V. Gromenko. – Kyiv: K.I.S., 2016. – 315 s.
15. Окунев, Дмитрий. «Потоки лжи»: почему памятник Примерения не устроил ни красных, ни белых // Газета.ру: сайт. – URL: https://www.gazeta.ru/science/2020/11/03_a_13344577.shtml (дата обращения: 07.11.2024).
- Okunev, Dmitrij. «Potoki lzhi»: pochemu pamyatnik Primereniya ne ustroil ni krasnyh, ni belyh // Gazeta.ru: sayt. – URL: https://www.gazeta.ru/science/2020/11/03_a_13344577.shtml (data obrashcheniya: 07.11.2024).
16. Олег Романько. Концлагерь «Красный» – нацистская «фабрика смерти» под Симферополем // Крымформ. Информационное агентство. 2015. 08 мая. – URL: <https://www.c-inform.info/news/id/22733> (дата обращения: 07.11.2024).
- Oleg Roman'ko. Konclager' «Krasnyj» – nacistskaya «fabrika smerti» pod Simferopolem // Kryminform. Informacionnoe agentstvo. 2015. 08 maya. – URL: <https://www.c-inform.info/news/id/22733> (data obrashcheniya: 07.11.2024).
17. Памятник Екатерине II открыли в Симферополе // ТАСС.ру: сайт. 2016. 19 августа. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/3550819> (дата обращения: 11.07.2024).
- Pamyatnik Ekaterine II otkryli v Simferopole // TASS.ru: sayt. 2016. 19 avgusta. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/3550819> (data obrashcheniya: 11.07.2024).
18. Пронина, Маргарита, Паньков, Анатолий. В Севастополе открыли закладной камень памятника 100-летию окончания Гражданской войны // НТС. Независимое телевидение Севастополя: сайт. 2019. 20 сентября. – URL: <https://nts-tv.com/news/v-sevastopole-otkryli-zakladnoy-kamen-pamyatnika-1-21651/> (дата обращения: 07.11.2024).
- Pronina, Margarita, Pan'kov, Anatolij. V Sevastopole otkryli zakladnoj kamen' pamyatnika 100-letiyu okonchaniya Grazhdanskoj vojny // NTS. Nezavisimoe televidenie Sevastopolya: sayt. 2019. 20 sentyabrya. – URL: <https://nts-tv.com/news/v-sevastopole-otkryli-zakladnoy-kamen-pamyatnika-1-21651/> (data obrashcheniya: 07.11.2024).

19. Сергійчук В. І. Український Крим. – Київ: Українська Видавнича Спілка, 2001. – 304 с.
Sergijchuk V. I. Ukrayins'kij Krym. – Kyuiv: Ukrayins'ka Vydavnycha Spilka, 2001. – 304 s.
20. Чорномор, Володимир. Повстанчий Крим: повість. – Сімферополь: Таврія, 2009. – 215 с.
Chornomor, Volodymyr. Povstanchyj Krym: povist'. – Simferopol': Tavriya, 2009. – 215 s.
21. Щукін, Платон. РПЦ оскорбилась памятником Дзержинскому в Крыму // Lenta.ru: сайт. 2021. 12 сентября. – URL: <https://lenta.ru/news/2021/09/12/felix/> (дата обращения: 07.11.2024).
Shchukin, Platon. RPTs oskorbilas' pamyatnikom Dzerzhinskomu v Krymu // Lenta.ru: sajt. 2021. 12 sentyabrya. – URL: <https://lenta.ru/news/2021/09/12/felix/> (data obrashcheniya: 07.11.2024).

Romanko O. V. The History of Crimea as a «complicated past»: memorial conflicts and discussions in the post-Soviet period

This article examines the concept of «complicated past» in relation to the history of Crimea. Using the example of discussions that took place in scientific and socio-political discourses in the post-Soviet period, the main memorial conflicts and wars of memory that are taking place since 1991 are analyzed. The main points of the Crimean «complicated past», the mechanisms of contradictions arising on its basis and the ways of their possible overcoming are shown. Based on the conducted research, it is concluded that all memorial conflicts and wars of memory on the territory of Crimea stem from the competition of three historical narratives, which can be conditionally called Imperial-Soviet, Ukrainian and Crimean Tatar. Moreover, the main ones, between which the main competition is taking place, are the Imperial-Soviet and Crimean Tatar, with the almost complete disappearance of the Ukrainian narrative from the public sphere. The federal government and the Crimean republican authorities are trying to overcome these contradictions, which clearly lead from memorial conflicts to more serious contradictions, primarily interethnic ones. In this regard, a whole range of historical policy measures in this area and the results of its application are analyzed, namely: embedding the Crimean Tatar narrative into the imperial-Soviet one, the balance of narratives, etc. Using the example of the problem of collaboration during the Nazi occupation of Crimea, a new approach to solving memorial conflicts is demonstrated.

Keywords: Crimea, «complicated past», memorial conflict, wars of memory, historical narrative, historical politics, Collaboration.